



Академик В. В. Струве

## ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЦИИ И ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ<sup>1</sup>

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания<sup>2</sup> представляют ценнейший творческий вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Эти гениальные работы вывели науку о языке на широкую дорогу подлинно марксистского исследования.

Однако значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания не ограничивается только лингвистической областью. Они оказывают решающее творческое воздействие на развитие марксизма-ленинизма и всей советской науки. Огромно их значение и для решения исторических проблем.

Долг каждого советского историка постоянно изучать труды И. В. Сталина, являющиеся драгоценнейшим источником правильного теоретического развития марксистско-ленинской исторической науки.

Определение значения трудов И. В. Сталина для исторической науки, взятой в целом, является задачей, непосильной для отдельного исследователя. Эту ответственную задачу должны взять на себя многие специалисты, каждый в области своей специальности. Поэтому я попытаюсь в настоящей статье показать по мере моих сил и знаний то громадное значение, которое имеют исследования И. В. Сталина для выяснения вопроса о нации и других общностях людей на разных ступенях развития человечества, для истории древнего мира и, в частности, истории древнего Востока. Товарищ Сталин в своем исследовании «Национальный вопрос и ленинизм» отвергает существование наций до возникновения капитализма, указывая, что не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как тогда не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают раздробленные доселе части этого народа в одно национальное целое<sup>3</sup>. Согласно положению товарища Сталина, высказанному им в труде «Марксизм и национальный вопрос», племена и народности древнего мира и раннего средневековья являются лишь теми первичными элементами, из которых впоследствии образовались современные европейские нации: «Нынешняя итальянская нация обра-

<sup>1</sup> Печатается в порядке обсуждения.

<sup>2</sup> См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950. Госполитиздат.

<sup>3</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

зовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён»<sup>1</sup>.

Правда, как отмечает И. В. Сталин в том же своем труде, и древневосточное государство Кира и эллинистическая держава Александра Македонского образовались также, подобно современным европейским нациям, «из разных племён и рас»<sup>2</sup>. Указывая на это, товарищ Сталин вместе с тем подчеркивает, что великие государства Кира и Александра «...были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»<sup>3</sup>. Согласно определению товарища Сталина, данному в том же исследовании «Марксизм и национальный вопрос», «...нация — не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей»<sup>4</sup>.

На основании только что приведенных указаний товарища Сталина я в одной из моих статей 1939 г. писал, что для обозначения обществ докапиталистических эпох — рабовладельческой или феодальной — необходимо историку-марксисту применять не термин «нация», а иной термин. И. В. Сталин называет составные элементы великих государств Кира и Александра «племенами», «расами», а также «группами». Расы являются предметом изучения прежде всего не исторической науки, а антропологии. Поэтому Энгельс и называет антропологию «...переходом от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»<sup>5</sup>. Как указывает товарищ Сталин, «племя» в противоположность «нации» является не «исторической категорией», а «категорией этнографической»<sup>6</sup>. Что же касается понятия «группы», то на этом останавливается В. И. Ленин в своем труде «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Подчеркнув сравнительную неопределенность понятия «группы» самого по себе, В. И. Ленин указывает, что «...критерий различения „групп“ можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. п.»<sup>7</sup>.

Поскольку некоторые из составных частей державы Кира или Александра, как, например, Египет или Вавилония, достигли сравнительно высокой степени развития цивилизации, то я решил в моей статье 1939 г.<sup>8</sup> по отношению к подобным общностям людей предложить применение термина «народность», который мы находим в тезисах к X съезду РКП(б) и в докладе И. В. Сталина на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. Здесь товарищ Сталин отметил среди населения нашей страны наличие наряду с «нациями» и «народностей»<sup>9</sup>. К последним он причисляет около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения и указывает относительно них, что они «...не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма...»<sup>10</sup> Из этого положения товарища Сталина следует сделать вывод, что термином «народность» обозначаются исторически сложившиеся общности людей в таких странах, которые еще не прошли или

1 И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 439.

6 И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 301.

7 В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 389.

8 В. В. Струве, Советская этнография и ее перспективы, СЭ, 1939, II, стр. 6.

9 См. И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 22, 23, 26, 44.

10 Там же, стр. 25 и 40—41.

не успели пройти периода промышленного капитализма. В своем исследовании «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин применяет к обществам, входившим в состав империй Кира и Александра Великого, или империй Цезаря и Карла Великого, наряду с термином «племя» и термин «народность». И. В. Сталин подчеркивает, что эти империи «...представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»<sup>1</sup>. В «народности» И. В. Сталин видит такую общность людей, которая при наличии необходимых экономических условий может развиться в нацию: «В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздроблённости и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»<sup>2</sup>.

Совершенно очевидно, что попытки отождествления в какой-либо мере процесса развития общества древнего мира с процессом развития современных наций недопустимы. Советский историк должен всемерно бороться с подобными модернистскими установками буржуазной историографии. Так, Эд. Мейер утверждал, что и древность, так же как и современность, знала категорию «нации». Эд. Мейер остановился на определении «национальности»<sup>3</sup>, resp. «нации», в своей статье «К теории и методике истории»<sup>4</sup> и коснулся его в своей «Истории древности»<sup>5</sup>. Он отрицает в качестве основы образования нации отмечавшееся прогрессивными буржуазными учеными XIX в. единство в языке, обычаях, религии, а также политическое объединение<sup>6</sup> и выдвигает насквозь идеалистическое реакционное положение: «Национальность поконится на воле, т. е. на идее. Национальность образуют те группы людей, которые в каком-нибудь направлении хотят быть единством и хотят себя проявить в качестве такового: активность входит в понятие нации, тем самым национальность отличается от народности»<sup>7</sup>.

Исходя из этого построенного им определения понятия «нации», автор реакционной циклической концепции находит и в древнем мире «национальности». Правда, лишь немногие из них, как полагает он, заслуживают обозначения «национальности» в полном смысле этого слова. По его мнению, «среди народов древности только три достигли развития национальности: иудеи (вряд ли израильтяне), иранцы и греки. Но только у иранцев национальное чувство получило, наряду с религиозным, вместе с тем и политическое выражение; иудейское национальное чувство являлось исключительно религиозным, греческое же — ведь примерно с VII в. можно без сомнения говорить об эллинской национальности — сводилось к чувству единой культуры. Наряду с ними вырастает из политического объединения всех многочисленных, по языку и происхождению резко отличных друг от друга, племен Италии четвертая национальность италиков. Но вследствие развития римского мирового владычества эта национальность не достигла своего полного развития»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

<sup>2</sup> Там же, стр. 13.

<sup>3</sup> «Nationalität». Строго говоря, в немецком языке данный термин означает принадлежность к нации.

<sup>4</sup> Ed. Meyer, Zur Theorie u. Methodik der Geschichte. Сб. «Kleine Schriften zur Geschichtstheorie u. zur wirtschaftlichen u. politischen Geschichte des Altertums», изд. II, 1910, стр. 1—67. В дальнейшем сборник цитируется как «Kl. Schr.».

<sup>5</sup> Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, 15, 1925, стр. 79.

<sup>6</sup> Там же, стр. 38 сл.

<sup>7</sup> «Kl. Schr.», стр. 40.

<sup>8</sup> Там же, стр. 41. Другой представитель циклической школы Р. Пельман также применяет термин «нация» для обозначения народа греков. См. его «Очерк

Выделение Эд. Мейером указанных четырех «национальностей» древности было обусловлено основными установками его концепции, которая видела в современном ему европейско-американском капиталистическом обществе наивысшую ступень развития, которой способно достигнуть человечество. Так, греки и италийцы были выделены среди остальных древних народностей, поскольку созданное ими «рабство» в эпоху расцвета их исторического развития «стоит на равной линии со свободным трудом нового времени и выросло из тех же моментов, что и последний»<sup>1</sup>. Иудеи были объявлены «нацией», ибо они создали в конечном итоге Ветхий завет, который столь тесно сросся с европейской культурой<sup>2</sup>. Иранцы, наконец, заслужили честь включения в число «наций», так как они являлись единственной известной тогда индоевропейской народностью в мире древнего Ближнего Востока. Согласно же Эд. Мейеру, «индоевропейские народы приняли в конце концов руководство в прогрессивном развитии духовной жизни человечества и повсюду оттеснили назад более древние культурные народы»<sup>3</sup>.

В применении созданной им терминологии Эд. Мейер не был последовательным и прилагал, например, категорию «нации» не только к греческой народности, но и к одной из частей ее, к дорийцам<sup>4</sup>. При этом он непоследовательно и произвольно толковал терминологию древних источников. Так, в своем стремлении доказать, что греческая «нация» знала, подобно современным европейским нациям, свою эпоху средневекового крепостничества, Эд. Мейер не останавливался перед выводом, который не находит подтверждения в источниках. Действительно, отождествляя плотов Спарты с крепостными феодальной эпохи, он заявлял, что «эти крепостные (т. е. плоты. — В. С.), — как бы бесправны они ни были, — считались членами народа; плоты были, например, такими же лакедемонянами, как и спартиаты, их господство», резко противоречит Эд. Мейера, несмотря на всю свою категоричность, резко противоречит свидетельству такого авторитетного историка древности, каким является Фукидид, неоднократно противопоставляющий лакедемонянам плотов. Такое противопоставление мы находим в его повествовании о событиях, следовавших за потерей лакедемонянами Пилоса<sup>6</sup>. Столь же резкое противопоставление лакедемонян плотам имеется у Фукидида и при описании кампании 418 г., начавшейся при весьма неблагоприятных условиях. Тогда, по словам греческого историка, лакедемоняне решили, что, если быстро не предупредить событий, последние еще более осложнятся. Поэтому сами они и плоты выступили со всем войском против Аргоса (Thuc., V, 57, 1). Я полагаю, что ни в одной французской средневековой хронике мы не могли бы прочитать о том, что «французы и крестьяне» выступили в поход. В феодальной Европе, действительно, крепостные крестьяне, как бы бесправны они ни были, считались частью народа.

Несмотря на подобные произвольные толкования источников, кото-

греческой истории и источниковедения» (4-е изд.), переведенный в 1910 г. на русский язык под редакцией С. А. Жебелева.

<sup>1</sup> Эд. Мейер, Рабство в древности, перевод с немецкого под редакцией В. Э. Дена, СПб., 1899, стр. 24.

<sup>2</sup> «Geschichte des Altertums», I, стр. 876.

<sup>3</sup> Там же, стр. 874.

<sup>4</sup> «Дорийская национальность», «Geschichte des Altertums», III, 2-е изд., стр. 253.

<sup>5</sup> «Рабство в древности», стр. 17.

<sup>6</sup> Фукидид, IV, 80, 2—3. Я следую адекватному переводу Мищенко — Жебелева, изданному в Москве в 1915 г.

рыми Эд. Мейер пытался подкрепить свое утверждение о наличии категории «нации» уже в эпоху древности, все же буржуазные историки древнего мира признали его положение и продолжают находить «нации» среди изучаемых ими обществ<sup>1</sup>. Такое широкое распространение в буржуазной историографии тезиса Эд. Мейера о том, что категория нации свойственна не только современности, но и древности, обусловлено господством в ней модернизаторских тенденций, столь характерных для буржуазной науки. Говоря словами В. И. Ленина, «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»<sup>2</sup>. Неприкрытая и откровенная до грубости модернизация буржуазной историографии эпохи империализма преследует вполне определенную цель оправдания современного ей капиталистического строя ссылками на события далекого прошлого. Так, в постулированной буржуазными учеными отсталости и застойности древневосточных обществ они видят оправдание империалистического угнетения народов Востока. Греческая колонизация рассматривается с помощью тенденциозной трактовки ее причин и поводов как этап, предшествующий европейской колонизации и качественно однородный с ней<sup>3</sup>.

Стремление любой ценой, хотя бы путем извращения исторической действительности, найти в древнем мире нации для буржуазной историографии является вполне закономерным. Тем самым весь древний мир окончательно модернизируется и изображается как прообраз современного капиталистического мира. А в наше время по заказу монополистического капитала США создается «концепция» о панэйкуменальном центре культурного развития. Согласно этой концепции, наследником средиземноморской античности является Западная Европа, а в конечном итоге — США; апогеем развития панэйкуменальной культуры античности было рождение римской империи, в лице которой реакционные историки американского империализма видят предтечу будто бы грядущего во второй половине XX в. мирового государства под главенством Америки<sup>4</sup>. Все нации должны отказаться в угоду англо-саксонскому империализму от своего патриотизма и превратиться в жалких провинциалов новой мировой империи<sup>5</sup>.

Возвращаясь к Эд. Мейеру, нужно сказать, что он фальсифицировал исторический процесс сознательно. Ведь он знал о существовании учения, доказывающего неминуемую гибель капиталистического строя. Он даже делал попытки полемизировать с теорией, согласно которой, как он выразился, «экономическая жизнь является подлинным носителем исторических явлений». Искажая положения марксистской теории, он приписывал ей утверждение, что исторический процесс протекает, «следуя вечным железным

<sup>1</sup> См., например, в немецкой историографии W. Otto, *Kulturgeschichte des Altertums*, München, 1925. Во французской историографии можно указать на труды известного историка древнего Востока А. Море, а из английских исторических трудов можно назвать многотомную Кембриджскую древнюю историю. О воздействии концепции циклизма на буржуазную историографию последних лет. см. в № 23—24 «Большевик» за 1946 г. поучительную и содержательную статью Ю. П. Францева.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137, прим.

<sup>3</sup> См. об этом в статье К. М. Колбовой, ВДИ, 1949, № 2, стр. 121.

<sup>4</sup> «Большевик», 1949, № 22, стр. 68.

<sup>5</sup> «Большевик», 1949, № 18, стр. 65. Акад. Г. Ф. Александров вполне прав, что и немарксистская теория Н. Я. Марра «объективно лила воду на мельницу буржуазных космополитов, обосновывающих политику англо-американских империалистов — новых претендентов на мировое господство, стремящихся поработить все народы, уничтожить их языки и культуру» («Большевик», 1950, № 14, стр. 27).

законам, без возможности какого-либо индивидуального воздействия»<sup>1</sup>. В противоположность этому Эд. Мейер писал, что в мире, который отображается исторической наукой, «господствует каузальность случая и свободной воли»<sup>2</sup>. Если же история человечества не знает никаких закономерностей и в ней царит случай, то и крушение современного капитализма не является неизбежным, — таков желаемый вывод этого историка-реакционера.

Утверждения о господстве случайности в историческом процессе пестрят на страницах работ Эд. Мейера. Это положение Эд. Мейер связал и со своей «теорией» происхождения нации. Так, для образования французской и немецкой наций он находит следующее, нелепое, объяснение: «для возникновения французской и немецкой нации является в первую очередь основным тот случайный факт, что семья Лотара вымерла и тем самым исчезло управляемое ею государство»<sup>3</sup>.

С таким «решением» Эд. Мейером вопроса об образовании наций историк-марксист никак не может согласиться. Нельзя возводить образование «нации» к случайному факту жизни или смерти какого-нибудь правителя или какой-нибудь династии. Как указывал В. И. Ленин, еще К. Маркс полагал, что «нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»<sup>4</sup>. После работ И. В. Сталина эта мысль, обоснованная анализом огромного фактического материала, стала основным положением марксистско-ленинского учения о нации.

И. В. Сталин доказал невозможность существования нации в период докапиталистический. Для докапиталистической эпохи И. В. Сталин ввел наряду с термином «племя» еще и термин «народность». «Племя» он, как известно, характеризует в качестве «категории этнографической», и тем самым содержание этого термина в достаточной степени разъясняется. К племенам должны быть причислены те древневосточные общности людей, у которых еще не сложилось государство. Что же касается «народности», то в исследованиях И. В. Сталина, как мы видели, имеются определенные указания на признаки, характерные для «народности», и это позволяет нам выявить своеобразие в этом отношении ряда древних обществ. Многие из этих последних, в отличие от империй Кира и Александра Великого или империй Цезаря и Карла Великого, были устойчивыми общностями людей, а не временными и непрочными военно-административными объединениями. Они веками сохраняли историческую преемственность, как, например, египтяне, вавилоняне, иудеи, греки, римляне и др.

О наличии осознанной исторической преемственности у египтян свидетельствует одно древнее поучение, согласно которому правители египетского государства должны были рассматривать себя как одно из звеньев бесконечной цепи предшествовавших им и следующих за ними царей, руководивших в прошлом и призванных руководить в будущем «людьми», т. е. египтянами. «Если даже нет у царя сына или брата, который даст жить памяти о нем, то все же другой восстановит его памятник. Каждый делает это для своего предшественника, потому что он желает, чтобы то, что он сам начал создавать, было бы другим, который за ним будет следовать, завершено»<sup>5</sup>. Осознавалось и отличие Египта — страны, орошаемой Нилом, от стран других народов, где не было возмож-

<sup>1</sup> Эд. Мейер, *Geschichte des Altertums*, I, стр. 195.

<sup>2</sup> «*Geschichte des Altertums*», I, стр. 185—186.

<sup>3</sup> «*Kl. Schr.*», стр. 37—38.

<sup>4</sup> В. И. Ленин, *Соч.*, т. 21, стр. 56.

<sup>5</sup> Поучение гераклеопольского царя своему сыну. Эрмитажный папирус 116 А (по изданию В. С. Голенищева, 1913 г.), стк. 116—118.

ным ирригационное земледелие. В гимне солнечному диску царь Эхнатон заявляет: «Ты создал землю по воле твоей, единый!.. Сирию, Нубию и землю Египетскую. Ты определяешь каждому его место и уготавливаешь потребное для него. Каждый имеет свое питание. Исчислено время жизни его. Языки людей отличны по их речи; также их внешний вид различен, и цвет кожи их, о разграничитель, разграничивший страны. Ты создал Нил из преисподней, ты приводишь его, по воле твоей, для оживления людей<sup>1</sup>, которых ты создал, ты их владыка... Ты дал жить и отдаленным странам: ты дал им Нил с неба. Он сходит на них и наводит потоками горы, как океан; он оплодотворяет их поля, касаясь их. Как дивны предназначения твои, владыка веков. Ты определил Нил небесный для жителей иноземных областей и для коз пустыни, ходящих на ногах, а Нил, идущий из преисподней, — для Египта»<sup>2</sup>. Я полагаю, что в последнем предложении процитированного мной отрывка солнечного гимна из Тель-Амарны автор его рассматривал «Нил, идущий из преисподней» как подлинный, истинный Нил, никогда не обманывающий надежды, возлагаемые на него людьми. О том же говорит и сказание, которое сохранил нам Геродот: «они (т. е. жители той части Египта, которая лежит ниже Фаюмского озера) слышали, что вся страна эллинов орошается не реками, как их земли, а только дождями, и замечали, что некогда надежды эллинов будут обмануты, и они претерпят сильный голод». К этому изречению египтян Геродот дает следующий комментарий: «Замечание это означает, что если божеству не угодно будет ниспослать эллинам дождь и оно пожелает продлить засуху надолго, то эллины погибнут от голода, ибо нет-де у них иного источника воды, кроме Зевса» (Нер., II, 13).

Сознавали египтяне и свое отличие от окружающих народов. Так, царь-солнцеклонник в вышеприведенном отрывке своего солнечного гимна указывает, что «языки людей отличны по их речи» и что «их внешний вид различен и цвет кожи их». Господствующий класс Египта смотрел свысока на семита-кочевника, о чем красноречиво говорят слова гераклеопольского царя своему сыну: «подлый азиат, плохо место, в котором он пребывает, в нем мало воды, недоступно оно вследствие многих деревьев, и дороги там плохи из-за гор. Никогда не живет он на одном месте, ибо ноги его бродят. Со времени Гора он ведет войну и не побеждает, но не побеждают и его»<sup>3</sup>. Отличали египтяне и своих западных соседей — ливийцев, которые не придерживались запретов в еде. О таком отношении к ливийцам мы можем судить по надписи нубийского царя Пианхи, строго повествует в своей большой победной надписи, что после взятия им Мемфиса стали прибывать к нему еще не подчинившиеся ливийские династидедами явились пасть ниц перед его величеством... Но они не вошли во дворец, ибо были нечисты (т. е. не обрезаны) и ели рыбу, а это мерзость для дворца. Только один царь Немарт вошел во дворец, ибо он был чист и не ел рыбы»<sup>4</sup>. Также осознавалось и отличие египтян от нубийцев. В заклинании, которое произносит мать против угрожающей ее ребенку болезни, последняя называется «нубийкой», «которая приходит из чужбины»<sup>5</sup>. Писец-учитель, только что сравнивший своего ленивого ученика с упрямым ослом, затем сопоставляет его с нубийцем: «ты для меня,

<sup>1</sup> В данном контексте под «людьми» следует понимать «египтян».

<sup>2</sup> Я цитирую перевод Б. А. Тураева, История древнего Востока, 3, 1935, т. I, стр. 286. В дальнейшем я буду цитировать этот труд как ИДВ.

<sup>3</sup> Эрмит. папирус, 1116 А, стк. 91—94.

<sup>4</sup> ИДВ, т. II, стр. 42.

<sup>5</sup> Папирус с магическими заклинаниями для матери и ребенка, стб. II, стк. 7.

подобно лопочущему нубийцу, который (только что) приведен в числе дани»<sup>1</sup>. Даже в то время, когда Нубия восприняла культуру фиванского теократического государства, слово «нубиец» было ругательным словом, например, в позднем зносе о борьбе за храмовые угодья Фиванского Амона, восходящем, вероятно, к эпохе XXVI династии<sup>2</sup>.

Отличение «людей» долины Нила от соседей было обусловлено и сознанием мощи своего государства, глава которого, «сражается, не зная конца», для знати своей страны «он владыка приятности, великий сладостью, восприявший любовь», как об этом заявляет бежавший из Египта придворный чиновник Синухет вождю азиатского племени, приютившему его у себя<sup>3</sup>. Знать Египта чувствовала свое преимущество перед знатью соседних стран и в области быта. Так, например, тот же самый Синухет, ставший во время своего пребывания в Азии вождем союза кочевых племен, после возвращения на родину подчеркивает примитивность того быта, который окружал его на чужбине: «Я отдал нечистоту пустыне, одежды свои обитателям песков. Я (вновь) был одет в тонкую ткань, умащен лучшим маслом, стал спать на постели и отдал песок живущим на нем, деревянное масло — тем, кто им умащается»<sup>4</sup>. В преимуществах своей культуры могли убедиться писцы, воины, купцы и корабельный люд Египта путем ознакомления с культурой соседей. Понимал все особенности культуры древней страны пирамид и писец храмового хозяйства Амона Фиванского Унуамон, посланный в Вавилон за строевым лесом для священной лодки бога Амона в последние годы XX династии, в годы полного политического бессилия Египта. Унуамон вложил в уста царя Вавилона, подчеркивающего свою независимость по отношению к Египту, следующие примечательные слова признания первенства культуры Египта: «Амон устроил все земли, устроенные им, но землю Египетскую — раньше других. И искусство вышло из нее, и учение вышло из нее, чтобы дойти до места, где я пребываю»<sup>5</sup>.

Население Египта, создатель многовекового государства, чрезвычайно своеобразного быта и глубоко оригинальной и действенной культуры, казалось настолько однородным, что изречение Аммонского оракула, сохраненное у Геродота, объявило единым народом всех живущих в долине Нила, начиная от Элефантины и кончая устьем великой реки, ибо «Египет есть вся та земля, которую водами своими орошает Нил, а египтяне — все те, которые живут ниже города Элефантины и пьют воду из реки Нила» (Гер., II, 18). Для Геродота, посетившего Египет в сово- роковых годах V в. до н. э., население долины Нила было резко очерчено в этническом отношении, судя по его утверждению, что «Египет есть вся та страна, которая населена египтянами, как Киликия населена киликиянами, а Ассирия ассириянами» (Гер., II, 17).

Население Вавилонии также представляло собой общность людей, устойчиво сохранявшуюся в течение многих столетий. Это население политически прочно объединилось значительно позже, нежели Египет, а именно лишь со второй половины II тысячелетия до н. э.<sup>6</sup> Оно также

<sup>1</sup> Панирус Саллье I, стб. VIII, стр. 1.

<sup>2</sup> Демотический папирус Шпигельберг, стб. XV, стр. 20.

<sup>3</sup> Б. А. Тураев, Рассказ египтянина Синухета, Москва, 1915, стр. 21.

<sup>4</sup> Там же, стр. 44.

<sup>5</sup> Я цитирую по переводу Б. А. Тураева, данному в его труде «Древний Египет», Петроград, 1922, стр. 1.

<sup>6</sup> Хронологическая система истории южного Междуречья, созданная в эпоху так называемой III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), доказывает, что и при династии Аккада, а также во время господства гутеев, далеко не все южное Междуречье было объединено. Лишь III династия Ура лет на 50 создала здесь единое государство,



обладало древней исторической традицией, своеобразным бытом и мощной культурой, оказавшей сильное и длительное воздействие на все окружающие общества.

Население Эллады, несмотря на всю его политическую раздробленность, также представляло собой многовековую устойчивую общность. В моменты самой ожесточенной борьбы между отдельными городами-государствами все же не исчезало представление о единстве всех эллинов. Яркий пример этого я нахожу в словах спартиата Мелесиппа, сына Диакрита, сказанных им в момент начала Пелопоннесской войны. Он прибыл в Атику в качестве посла тогда, когда уже афинское народное собрание решило не принимать ни глашатая, ни посольства от лакедемонян. Поэтому афинские власти приказали ему в тот же день покинуть границы Атики и послали вместе с ним провожатых. «Когда он находился уже на границе и собирался проститься с провожатыми, он сказал только: „День этот будет для эллинов началом великих бедствий“» (Thuc., II, 12, 3).

Вместе с тем мы должны подчеркнуть со всей решительностью, что все эти древние народности (к ним можно прибавить иудеев, западных иранцев и др.), будучи устойчивой общностью людей, тем не менее не являются нациями, ибо «...не всякая устойчивая общность создаёт нацию»<sup>1</sup>. Для того, чтобы какая-либо «устойчивая общность людей» могла бы быть названа «нацией», требуется наличие еще других характерных признаков, которые с исчерпывающей полнотой установил И. В. Сталин в своем исследовании «Марксизм и национальный вопрос»: «**Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры**»<sup>2</sup>.

«Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»<sup>3</sup>. Пояснив это свое положение рядом примеров, И. В. Сталин снова подчеркивает его в следующей формулировке: «**Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию**»<sup>4</sup>.

В работе И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» содержится чрезвычайно важное указание на то, что элементы нации постепенно создавались еще в докапиталистический период. «Конечно, — говорит И. В. Сталин, — элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»<sup>5</sup>.

В своем исследовании «Относительно марксизма в языкознании» товарищ Сталин указал, что племена и народности, входившие в состав

---

да при царе Хаммурапи и его сыне Самсуилуне лет на 20 было снова достигнуто политическое объединение.

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

<sup>2</sup> Там же, стр. 296.

<sup>3</sup> Там же, стр. 297.

<sup>4</sup> Там же. Все совершенство сталинского определения понятия «нация» особенно рельефно выступает, если мы сравним определение «нации» у буржуазных историков, даже более прогрессивных из их числа (не адептов циклической концепции), как, например, у Э. Ренана. Последний полемизирует с мнением, смешивающим «нацию» с «расой», но вместе с тем превращает «нацию» в «расу», когда в своей лекции «Что такое нация?» заявляет, что «наиболее благородные нации, Англия, Франция и Италия, суть те, в которых кровь наиболее смешана» (см. русск. перев. лекции, 2-е изд., СПб., 1888, стр. 21—22).

<sup>5</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

империй рабского и средневекового периодов, «...имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»<sup>1</sup>. Стало-быть, общества древности и средневековья имели свой язык, территорию, экономическую базу и культурную общность, т. е. те элементы, сочетание которых дает нацию. Но в период докапиталистический, как говорит товарищ Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм», — «...эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»<sup>2</sup>.

Надо полагать, что эти элементы в рабовладельческую эпоху находились в весьма зачаточном состоянии, коль скоро при рабовладельческом строе не могла создаться возможность образования национального рынка с его экономическими и культурными центрами. Такое совершенно зачаточное состояние в рабовладельческую эпоху общности языка, территории, культуры и т. д. у народности, которая не могла стать нацией вследствие отсутствия указанных И. В. Сталиным условий, объясняет целый ряд явлений в истории развития общества древнего мира. Она объясняет нам ту легкость, с которой многие народности рабовладельческой эпохи, а также и раннего средневековья «...дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»<sup>3</sup>. Зачаточное состояние языковой общности народностей рабовладельческой эпохи в сильнейшей степени содействовало потере качества и отмиранию языка одной из двух скрещивающихся народностей<sup>4</sup>. Так стал отмирать шумерийский язык при скрещивании с семитическими — аккадским и аморейским — языками, так погиб язык древней народности, населявшей долину Инда, в результате вторжения так называемых «арийских» племен. Так же исчез язык древних критян под натиском диалектов греческой народности, а язык этрусков был поод бежден языком латинским. Для древнего языка Египта настали века отмирания после завоевания арабами долины Нила.

Можно увеличить число примеров исчезновения языков древних народностей, но и приведенного вполне достаточно для доказательства того, что языки народностей рабовладельческой эпохи сравнительно слабо сопротивлялись воздействию со стороны победившего языка. В данном отношении языки народностей эпохи позднего средневековья резко отличаются от языков народностей рабовладельческой эпохи и раннего средневековья. Вспомним слова И. В. Сталина о героической борьбе балканских народов за свои языки, на которые покушались турецкие завоеватели<sup>5</sup>. Причину этой победы балканских языков И. В. Сталин усматривает в том, «...что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились». В истории развития языков народностей феодальной эпохи указанное явление имело место весьма часто, поскольку они в большинстве своем развились в национальные языки. Однако известны и такие случаи в истории развития единого языка народности средневековья, когда последний вследствие отсутствия

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, Госполитиздат, стр. 13.

<sup>2</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

<sup>3</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

<sup>4</sup> Конечно, результат скрещения является последствием процесса, требующего весьма значительного времени, ибо бесспорно положение И. В. Сталина: «Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет» (Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29).

<sup>5</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26; ср. его же, Соч., т. 11, стр. 347—348.

необходимых благоприятных условий не развивался в национальный язык и снова возрождались местные диалекты. О такой возможности в истории развития единого языка народности говорит И. В. Сталин в своем ответе тов. Санжееву: «Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие ещё перемолоться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»<sup>1</sup>.

Этот процесс, который иной раз имел место в истории развития языков средневековых народностей, должен был быть повсеместным в истории развития языков народностей рабовладельческой эпохи. Ведь элементы, из которых впоследствии строилась нация, в эпоху рабовладельческую представляли весьма слабую потенцию, поскольку экономические условия, необходимые для образования нации, не могли тогда слагаться. Поэтому местные диалекты, временно подчиненные единому языку народности, не могли перемолоться в последнем и, продолжая существовать, могли при политическом упадке самой народности снова возродить свою самостоятельность. Вполне понятно, что местные диалекты, ставшие снова самостоятельными в результате политического упадка, не имели силы сопротивляться воздействию языка новой победившей народности.

Если основная причина отмирания языков народностей рабовладельческой эпохи относится к моменту нового возрождения местных наречий, то в таком случае мы должны выявить в известных нам древних языках весьма значительную роль, которую играли наряду с единым языком народности местные диалекты и говоры. Действительно, мы можем установить, что местные диалекты обслуживали народные массы и поэтому сохраняли свою жизненную силу. Так, на местном диалекте говорил, очевидно, трудящийся люд, речи которого нашли отражение в текстах, сопровождающих изображения рельефов гробниц египетской знати Древнего царства<sup>2</sup>.

Язык древнего Египта, на котором говорил народ, распадался, песочно, на много диалектов, коль скоро в коптском языке, языке Египта раннего средневековья, установлено существование не менее 4 диалектов<sup>3</sup>. О резком отличии древнеегипетских диалектов между собой мы можем судить на основании свидетельства одного из писем XIX династии, в котором автор заявляет своему корреспонденту о невозможности понять его слова, ибо «они таковы, как будто житель Дельты говорил бы с обитателем Элефантины»<sup>4</sup>. О наличии диалектических отличий и в литературном языке мы можем полагать, исходя из той характерной особенности египетского письма, что оно не учитывало огласовку слова, а лишь состав его согласных. Я готов объяснить эту особенность египетского письма желанием сделать его понятным для всех областей долины Нила, поскольку диалектические отличия отражаются преимущественно на огласовке слов и менее на составе их согласных. В Китае, как известно, иероглифическое письмо служит средством общения для представителей различных областей, говорящих на своих резко отличающихся друг от друга местных диалектах. Так же обстояло дело и в Вавилонии, где шумерийские грамматические тексты, по которым вавилонские и асси-

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

<sup>2</sup> См. A. E g m a n, Reden, Rufe u. Lieder auf Gräberbildern des Alten Reiches (Abh. Berl. Akad. Wiss., 1919); P. M o n t e t, La vie privée des Egyptiens sous l'Ancien Empire, 1925 («Publications de la Faculté des Lettres de l'Université Strasbourg»).

<sup>3</sup> Б. А. Тураев, Египетская литература, М., 1920, стр. 24.

<sup>4</sup> Папирус Анастаси, I, стб. XXVIII, стр. 6.

рийские писцы изучали этот умерший язык, отмечают, как известно, существование, наряду с основным литературным языком шумерийской народности, еще и диалекта, который носил название «эмесал», т. е. «язык женский». Известный чешский ассириолог и хеттолог Б. Грозный установил наличие еще 5 диалектов шумерийского языка<sup>1</sup>. Несомненно, этим числом количество местных диалектов шумерийского языка не ограничивалось. Очень рано в Южное Междуречье начали вторгаться и оседать там семитические племена, язык которых в течение веков скрещивался с шумерийским и обусловил, как я выше указывал, отмирание последнего. Со второй половины III тысячелетия до н. э. имелись уже налицо, наряду с шумерийцами и семитами, большие группы и другого разноязычного населения. Недаром поэтому создалась здесь, в иудейской среде, в эпоху вавилонского пленения легенда о «смешении» языков в результате «столпотворения» (Кн. бытия, 11, 7). Пестрота диалектов Греции столь же общеизвестна, как и многоязычие Италии в эпоху древности.

В таком же зачаточном состоянии, как и язык, находился и второй из элементов, необходимых для сложения нации, а именно общность территории. Я уже не говорю о территории Греции, которая была в сильнейшей степени раздроблена политически. Не говорю я также и об Италии, которая в эпоху рабовладельческую распадалась на ряд областей, населенных разноязычными народностями. Почти так же обстояло дело с территорией Египта и Вавилонии. Здесь зачаточность общности территории находит свое выражение в крайне малых размерах той площади, которую населяли народности древнеегипетская и вавилонская. Территория древнего Египта и Вавилонии отнюдь не совпадала с территорией современных государств Египта и Ирака. Народность Египта эпохи фараонов населяла лишь 27 тысяч км<sup>2</sup> долины Нила в узком смысле этого слова. Немногом больше была территория Вавилонии<sup>2</sup>. Обе территории были окружены пустыней и степью, люди и звери которых могли появиться в любой момент в делах плодородной речной долины<sup>3</sup>. Вторым моментом, обуславливавшим зачаточность общности территории древнеегипетской и вавилонской народностей, было отсутствие постоянных сношений между отдельными частями Египта или между городскими областями Вавилонии. Последнее обстоятельство приводит нас к важнейшему вопросу о том, в какой степени мы можем говорить в эпоху рабовладельческую об экономической общности, которая могла бы объединить отдельные части народности в пределах всей занимаемой ею территории.

Переходя к вопросу об экономической общности, надлежит сказать, что и этот элемент в рабовладельческую эпоху находился лишь в зачаточном состоянии. Действительно, в обществах древнего мира не может быть установлена «...внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое»<sup>4</sup>. Отдельные области территории, занимаемой тем или другим древним обществом, «...не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между собой, развитию путей сообщения и т. д.»<sup>5</sup>. О слабом развитии торговли и обмена в Египте свидетельствует уже то обстоятельство, что в поучении Ахтоя, сына Дуауфа, эпохи Среднего царства, в котором перечисляются все профессии, деятельность торговца ограничивается поездками в одну лишь

<sup>1</sup> За, IX, стр. 159 сл.

<sup>2</sup> См. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 65 и 125.

<sup>3</sup> Примеры подобных вторжений можно привести в любом количестве и для Египта и для Вавилонии.

<sup>4</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

<sup>5</sup> Там же, стр. 295.

Дельту<sup>1</sup>. Очевидно, одна лишь Дельта могла предоставить для отдельных частей Верхнего Египта хозяйственные ценности, которые не имелись в распоряжении последних. Лишь из поучения времени Нового царства мы узнаем, что купцы «ездят вниз и вверх по реке, сильно трудясь, чтобы принести вещи (т. е. товары) одного города в другой, снабжая (ими) того, кто (их) не имеет»<sup>2</sup>. Эти спорадические разъезды торговцев, конечно, не свидетельствуют еще о разделении труда между городами Египта. В Вавилонии торговля и обмен были более развиты, нежели в Египте, но и здесь, несомненно, никто не может доказать, что они явились следствием того, что между областями Вавилонии установилось разделение труда. Вавилония и Египет были первоначально разделены на ряд самостоятельных городов-государств. Они были сравнительно незначительны и по своей территории и по количеству своего населения. Так, Урукагина, царь Лагаша, уверяет в своей надписи, что под его властью было 36 тысяч человек<sup>3</sup>. После политического объединения эти мелкие области продолжали по существу сохранять свою экономическую самостоятельность, последствием чего в долине Нила был распад централизованной бюрократической деспотии Египта в конце эпохи Древнего и эпохи Нового царства снова на десятки мелких политически самостоятельных областей. Об экономической автаркии греческих полисов говорит даже Р. Пельман, верный соратник Эд. Мейера<sup>4</sup>. Столь же экономически самостоятельными были и италийские муниципии<sup>5</sup>. Хозяйственная замкнутость этих мелких областей древности приводит и к их культурной и в первую очередь религиозной обособленности. Каждая такая маленькая экономическая замкнутая область в Египте, которую мы по примеру греческих историков называем «номами», имела свою семью богов и свою религию, которая каждому жителю нома была бесконечно ближе, чем почитаемые во всем Египте боги царствующей династии. Эта религиозная атомизация древнего Египта имела силу до некоторой степени и по отношению к номам, поскольку здесь также в каждом отдельном населенном пункте имелось свое местное божество, как об этом свидетельствуют папирусы эллинистической эпохи<sup>6</sup>. Религиозная обособленность продолжала разъединять города-государства Вавилонии и после их политического объединения. Набонид попытался накануне своего падения централизовать Вавилонию в религиозном отношении, и по его приказу божества Марата, Ильбаба, божества Киша, Нинлиль и божества Хурсагкаламы были перенесены в Вавилон, а затем и прочие боги Аккада, кроме Борсины, Куты и Синпара. Его попытка потерпела неудачу, и Кир после своей победы повелел, чтобы боже-

<sup>1</sup> См. папирусы Саллье, II, стб. III, стк. 9; стб. XI, стк. 4; Анастаси, VII, стб. 1, стк. 1; стб. VII, стк. 4. О поучении Ахтоя см. ИДВ, т. I, стр. 222—223. Профессия «торговца» является седьмой из перечисленных автором поучения профессий.

<sup>2</sup> А. Егман, П. О. Ланге, Papyrus Lansing, Kopenhagen, 1925, стр. 54 сл. Lpz., 1907, стр. 51. Надпись на конусе В Урукагины, стб. VIII, стк. 5. Если это число и соответствует лишь числу взрослых мужчин (исключая рабов), как предполагает И. М. Дьяконов в своей интересной работе (ВДИ, 1950, № 2), то и в таком случае общее число населения Лагаша вряд ли превышало 150 тысяч человек.

<sup>4</sup> «Такая автономная городская община ревностно заботится о том, чтобы обособиться отвне; политика ее, часто до карикатурности, проникнута индивидуалистическим принципом, как в политической, так и в экономической области» (Р. Пельман, Очерк греческой истории, русск. перев., 1910, стр. 70).

<sup>5</sup> Римское завоевание уничтожило политическую самостоятельность муниципиев, но не покоńczyло с их экономической обособленностью, не установило разделения труда между отдельными италийскими областями и поэтому не связало их в одно хозяйственное целое.

<sup>6</sup> См. Mittelis-Wilcken, Grundzüge u. Chrestomathie der Papyrusforschung, т. I, ч. 2, стр. 104.

ства, принесенные Набонидом в Вавилон, снова вернулись в свои города<sup>1</sup>. Религия с ее ритуальными запретами разъединяла и в Египте, и в Вавилонии, и в других древневосточных странах население и малых и больших областей до полной отчужденности их друг от друга. Недаром поэту Энгельсу и утверждал, что «...на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала упадку, в конце концов наступившему»<sup>2</sup>.

Население замкнутых и в экономическом и в религиозном отношении мелких областей древневосточных стран было готово с большим упорством отстаивать свою экономическую и религиозную самостоятельность даже против своих ближайших соседей. Результатом подобного сепаратизма были в Египте войны между соседними номами даже в периоды политического объединения долины Нила. Об одной такой подлинной войне с последующим заключением мира между Гермонтийским номом и номом Крокодилополиса нам сообщает греческий папирус 123 г. до н. э.<sup>3</sup> Об жесточении, с которым велись межномовые войны, свидетельствует, если верить Ювеналу, случай людоедства, который имел место во время одного из таких столкновений в римскую эпоху (Juvenal., Sat., XV, 76).

Иранское общество, объявленное Эд. Мейером «национальным», распалось также на ряд отдельных областей, обособленных друг от друга и в хозяйственном отношении и в отношении религии и культуры и даже языка. О том, что население основного ядра державы Кира — Персиды — еще не имело при первых Ахеменидах (вплоть до Ксеркса) общности языка, мы узнали из двух открытых в столице персидских царей Персеполе архивов, содержащих тысячи документов хозяйственной отчетности. Последние во всей своей совокупности были написаны не на древнеперсидском, а на эламском языке<sup>4</sup>, из чего следует, что народно-разговорным языком в самом городе Персеполе был, очевидно, эламский язык. Поэтому, с точки зрения определения нации И. В. Сталиным, нельзя и иранцев, так же как и египтян, вавилонян, греков и италиков, объявлять нацией.

Итак, на основании всего вышесказанного я получаю право утверждать, что модернистское положение Эд. Мейера о «валитии наций» в древнем мире не выдерживает научной критики. «Нация», или «национальность», являются «...исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма»<sup>5</sup>. Несмотря на это совершенно четкое определение понятия «нация», данное И. В. Сталиным еще в исследовании 1913 г., мы все еще, к сожалению, встречаем у ряда советских историков применение термина «национальный» по отношению к обществам древности и раннего средневековья. Так, например, акад. Н. М. Никольский называл «национальным» бога Ягве «национальным»<sup>6</sup>, а А. Б. Рапович говорил о «национальной» обособленности евреев<sup>7</sup>. Авторы учебника истории Грузии,

<sup>1</sup> Хроника Набонида, стб. III, стк. 8—12 и 21—22 (ИДВ, т. II, стр. 115). Следует отметить, что Кир говорит о своем мероприятии возвращения богов в их города и в своем знаменитом манифесте: «богам Сумера и Аккада, которых Набонид, к гневу владыки богов, перенес в Вавилон, дал я, по повелению Мардука, великого владыки, невредимо принять обитание в их чертогах „Веселия сердца“ (так называемый Киров цилиндр, стк. 33—34, ИДВ, т. II, стр. 117).

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 609.

<sup>3</sup> Mittels-Wilken, ук. соч., т. I, ч. 2, № 11 (стр. 18—21).

<sup>4</sup> См. E. Schmidt, The treasury of Persepolis a. other discoveries in the highlands of the Achaemenians, Chicago, 1939, стр. 33 сл. См. также статью G. G. Cameron, в JNES, I (1942), стр. 214 сл.

<sup>5</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

<sup>6</sup> Вводная статья акад. Н. М. Никольского в книге А. Б. Раповича,

Очерк истории древнееврейской религии, Москва, 1937, стр. XIII.

<sup>7</sup> А. Б. Рапович, Очерк истории древнееврейской религии, стр. 127.

напечатанного в 1946 г., находят «национальность» в Грузии в эпоху грузино-сельджукских войн<sup>1</sup>. В труде по истории древнеармянской литературы, изданном армянской Академией наук в 1948 г., говорится об упорной «национальной» борьбе против Сасанидской Персии<sup>2</sup>. А. М. Осипов в своем очерке по истории Индии в период древности и раннего средневековья, опубликованном в 1948 г., говорит о «всяком многонациональном государстве древности»<sup>3</sup>. Список советских историков, погрешных в подобной методологической неточности, можно было бы, при желании, значительно увеличить.

Правда, может быть, эта методологическая неточность в указанных работах обусловлена тем, что некоторые историки, по крайней мере те, с которыми мне приходилось в свое время беседовать на эту тему, готовы были противопоставить термин «национальность» термину «нация». Я полагаю, что подобное противопоставление является глубоко неправильным, так как оно явно противоречит применению И. В. Сталиным термина «национальность». Последний, правда, применяется в работах И. В. Сталина в нескольких значениях, но все они чрезвычайно близки друг к другу, и ни одно из них не может быть использовано как обозначение общности людей, качественно отличной от нации.

С предельной ясностью это выражено в словах И. В. Сталина о такой системе управления нациями, «...когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, даёт им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через неё на остальные»<sup>4</sup>.

Столь же определенно И. В. Сталин отождествляет «нацию» и «национальность» в докладе на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г. в разделе «Об уклонах в области национального вопроса». Здесь он опровергает социал-шовинистское утверждение Каутского о возможности онемечения чехов в результате победы пролетарской революции в австро-германском объединенном государстве (в середине прошлого столетия). Полемизируя с антимарксистским утверждением Каутского, товарищ Сталин ставит вопрос: «Кто прав, Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации?»<sup>5</sup>. В этой части докла-

<sup>1</sup> Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I (с древнейших времен до начала XIX в.), Тбилиси, 1946, стр. 196.

<sup>2</sup> Посмертный труд М. Абегиана, История древнеармянской литературы, Ереван, 1948, стр. 5 и т. д. Переводчику и редактору труда крупного армянского ученого, скончавшегося в 1944 г., следовало бы устранить эту методологическую неточность.

<sup>3</sup> А. М. Осипов, Краткий очерк истории Индии до X в., М., 1948, стр. 45.

<sup>4</sup> Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б). Соч., т. 5, стр. 254. О том же говорит и применение И. В. Сталиным термина «национальность» при определении принадлежности к той или иной нации: «Сделать прежде всего начальное образование обязательным для всех граждан страны без различия национальности, а потом и среднее образование» (Соч., т. 11, стр. 354).

<sup>5</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 364—365.

да 1930 г. мы находим убедительное подтверждение того, что термины «нация» и «национальность» близки друг другу и могут заменять друг друга. Если же И. В. Сталин и делает иногда некоторое отличие между «национальностью» и «нацией», то и в таком случае он видит в «национальности» общность людей, наиболее близкую к «нации». Говоря о процессе сложения многонациональных государств, И. В. Сталин отмечает, что он «...мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда отёртые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации»<sup>1</sup>. Стало быть, «национальность» во всех тех значениях, в которых этот термин встречается в работах И. В. Сталина, является, как и «нация», исторической категорией не ранее эпохи подымающегося капитализма. Поэтому мы никак не можем применять термин «национальность» к общностям людей рабовладельческой эпохи. В связи с этим во избежание безнадежной путаницы недопустимо также применение производного от «нации» и от «национальности» прилагательного «национальный» по отношению к обществам древнего мира или раннего средневековья.

Конечным результатом моей настоящей работы является положение, что общества древнего мира — египетское, вавилонское, иудейское, иранское, греческое и т. п. — качественно отличны от наций, возникших лишь в эпоху подымающегося капитализма. В обществах рабовладельческой эпохи подымающегося капитализма, в обществах рабовладельческой эпохи элементы, необходимые для создания нации, пребывали в зачаточном состоянии, так как тогда не могли еще зародиться те экономические условия, которые являлись необходимой предпосылкой для сплочения разобщенных территориальных групп древних народов в одно национальное целое.

Поэтому советская историография не должна применять термины «нация», «национальность», «национальный» к обществам древнего мира. Закономерным термином, характеризующим общество рабовладельческой эпохи, а также и средневековья, является термин «народность», содержание которого было раскрыто И. В. Сталиным в его трудах, посвященных национальному вопросу. И. В. Сталин ясно определяет эпоху, которой присуща категория «народности», указав на развитие языков «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»<sup>2</sup>. Особенности всех этих общностей людей древности прекрасно выявлены В. И. Лениным в его лекции «О государстве»: «И общество и государство тогда были гораздо мельче чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий»<sup>3</sup>. В этом отрывке своей знаменитой лекции В. И. Ленин с предельной четкостью устанавливает невозможность мощной действительности в историческом процессе для больших общностей людей эпохи рабовладельческой. В подлинном смысле слова могли быть исторически действительными лишь сравнительно небольшие группы. Таковыми были номы Египта, города-государства Вавилонии, «страны» Ирана,

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 304.

<sup>2</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 441—442.



«полисы» Греции и т. д., на сплоченность населения которых я на предшествующих страницах моей статьи указывал. Там мы встречаемся с зачатками общности языка, и общности территории, и общности экономической жизни, и, наконец, общности религии. Свою замкнутость и обособленность они сохраняли, как я выше подчеркнул, и после политического объединения. Мне кажется, что до известной степени в истории древнего мира они занимали то место, которое заняли впоследствии нации, образовавшиеся в эпоху разложения феодализма.

Работы И. В. Сталина и В. И. Ленина являются неперсекаемым источником творческого развития во всех областях знания. В трудах этих величайших ученых не только историки современности, но также и исследователи истории обществ древности находят путеводную нить, ибо столь велика мощь их теоретической мысли, что она освещает прошлый, настоящий и будущий путь исторического развития человечества.

